

Сергей Горошкевич

Зрато и Зрот

Поэты о любви:
опыты ментального анализа

Часть II

Сергей Н. Горошкевич
Эрато и Эрот. Поэты о
любви: опыты ментального
анализа. Часть II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65265236

Эрато и Эрот. Поэты о любви: опыты ментального анализа. Часть II:

ISBN 978-5-00171-941-0

Аннотация

Уникальное издание представляет собой тематически организованные подборки стихов, искусно соединенных авторским текстом. С одной стороны, это первая настоящая, строго организованная, энциклопедия мировой любовной лирики; с другой – цельное (пусть и не вполне научное) исследование любви во всех ее многообразных формах и проявлениях. Часть 2 включает 2 главы. В главе 4, самой большой по объему, на примере обоюдной и «симметричной» любви подробно рассмотрена ее центральная форма – классический роман. Глава 5 повествует о разнообразных проявлениях «асимметрии» в том же классическом романе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 4	7
4.1. От исходного бесстрастия к предвкушению и ожиданию	24
4.2. Начало	44
4.3. Рост и развитие любви	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Горошкевич
Эрато и Эрот. Поэты о
любви: опыты ментального
анализа. Часть II

© Горошкевич С.Н., 2021

Сергей Горошкевич, доктор биологических наук, специалист в области экологии, морфологии, физиологии, генетики и селекции деревьев, автор более 200 научных публикаций. Садоводы знают его как основателя и руководителя крупнейшего питомника, оригинатора многих замечательных сортов, автора произведений науки и искусства из живых древесных растений. Здесь он предстает в совершенно новом качестве: исследует самое иррациональное явление в жизни людей – любовь, при этом использует самый иррациональный метод – анализ мировой любовной лирики. Почему нет? В этом суть познания: человек удовлетворяет свое любопытство; стремится в ту область, где он видит «белое пятно».

Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции: сказал выдающийся генетик Феодосий Добржанский (1900–1975). Ничто в «человековедении» не имеет смысла, кроме как в свете любви: девиз настоящей книги. А также и поэзии в целом от Данте (на снимке автор возле его дома-музея во Флоренции) и до наших дней.

Глава 4

Собственно любовь или классический роман

Итак, мы закончили первый этап нашего «марафона» – разобрались наконец-то с многообразием проявлений любви. Напомню, что система была построена вокруг основной формы – собственно любви или классического романа. Поэтому мы несколько раз, походя и вскользь, касались ее как некой точки отсчета. Теперь перед нами стоит противоположная задача: абстрагироваться от всех периферических форм любви и по возможности углубленно рассмотреть центральную.

Каждый из романов неповторим, ибо любовь есть стихия:
Джордж Гордон Байрон (1788–1824) Англия (пер. Т.Г.Гнедич)

Но всякая любовь в себе таит
Зародыш измененья – и не диво;
Лишь на мгновенье молния блеснит;
Стихий неудержимые порывы
Иметь не могут формы, – все летит,
Все движется, меняясь прихотливо, —
А нежная любовь уж никогда
Не может быть надежна и тверда.

Ход и исход каждого романа совершенно непредсказуемы до самого последнего дня, а иногда и после него:

К.М.Симонов 1936–1941 (1915–1979)

Что можем мы заранее узнать?
Любовь пройдет вблизи. И нету силы
Ни привести ее, ни прочь прогнать,
Ни попросить, чтоб дольше погостила.

В.Н.Скобелкин (1924–2003)

Кто знает, чет ли будет, нечет,
При первом взгляде глаз в глаза.
Чем будет путь вдвоем отмечен,
Кто может это предсказать?
Любовь наполнит светом души,
Иль набежит лишь тень любви,
Сердца остудит и иссушит,
Разливом чувств не удивит?

Все это не исключает некоторого «общего знаменателя» и не помешает нам выявить общие черты, свойственные главной форме любовной жизни человека. Известно, что каждый роман имеет начало и конец. Нашей задачей как раз и будет пройти весь путь от начала до конца, заглянув при этом во все возможные «закоулки». Тут надо сказать, что некоторые авторы делают попытку обозреть весь этот длин-

ный и сложный путь, выделить какие-то этапы и закономерности их протекания. В самом упрощенном и обобщенном виде цикл выглядит так: бесстрастие – страсть – обладание – разочарование – безразличие:

С.Я.Надсон 1883 (1862–1887)

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле – наслаждения рая!..
Поцелуй – первый шаг к охлажденью: мечта
И возможной и близкою стала;
С поцелуем роняет венок чистота
И кумир низведен с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает...
Светлый храм в сладострастный гарем обращен,
Смолкли звуки священных молений,
И греховно пылающий жрец распален
Знойной жаждой земных наслаждений.
Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,

Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнаженным бесстыдной рукою...
Дальше – миг наслажденья; и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны былого...
Праздник чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

К.Д.Бальмонт 1895 (1867–1942)

Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты луною зажглась золотой,
И тебе, недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой.

Я решился в желании смелом
По кремнистой дороге идти
И не медлить нигде на пути,
Ты казалась мне высшим пределом,
За который нельзя перейти.

И потом... О, какое мученье!
К недоступному доступ найден.
Я как жалкий ребенок смущен.
Где любовь, где восторг упоенья?

Все прошло, ускользнуло, как сон.

Я мечты отдавал не богине,
Ты как все, ты – земля на земле,
Я один в удушающей мгле.
Я очнулся в бесплодной пустыне,
Я проснулся на жесткой скале.

Классический символ любви – роза, которая однозначно прекрасна только в начале и издалека. При попытке вступить с ней в непосредственный контакт шипы мгновенно дают себя знать:

Дамдинцоогийн Содномдорж (р. 1928) Монголия
(пер. Г.Б.Ярославцева)

Он с виду красив был и ярок, возможно.
Ты мне протянула его осторожно,
И я растерялся, неопытным сердцем
Я счел его знаком судьбы непреложным.

Я принял подарок и тут же невольно
Вдруг руку отдернул – так стало ей больно.
Откуда же знать я заранее мог
О том, что шипами покрыт стебелек.

А что делать? Роза без шипов росла, как известно, только в раю, который утрачен безвозвратно. Ладно бы наша роза-любовь просто кололась шипами. Вдобавок к этому она

еще и очень быстро вянет. Роман обычно делится на две большие части: первую (поменьше) – яркую и радостную, и вторую (побольше) – может быть, не менее яркую, но преимущественно печальную:

А.Н.Апухтин 1882 (1840–1893)

Дни счастья прошли как сновиденье,

Другие наступили дни...

О, дни ревнивых слез, обманов, охлажденья,

Кому из нас не памяты они?

Л.Н.Вилькина (1873–1920)

Люблю я не любовь – люблю влюбленность,

Таинственность определенных слов,

Нарочный смех, особый звук шагов,

Стыдливых взоров страх и умиленность.

Люблю преодоленную смущенность

В беспечной трате прожитых часов, —

Блужданье вдоль опасных берегов, —

И страх почуять сердцем углубленность.

Люблю мгновенно созданный кумир:

Его мгновенье новое разрушит.

Любовь – печаль. Влюбленность – яркий пир.

Огней беспечных разум не потушит.

Любовь как смерть. Влюбленность же – как сон.
Тот видит сновиденья, кто влюблен.

М.А.Кузмин 1906 (1875–1936)

Любви утехы длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.

С.А.Есенин 1918 (1895–1925)

Страж любви – судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.

И.М.Губерман (р. 1936)

За женщиной мы гонимся упорно,
азартом распаляя обожание,
но быстро стынут радости от формы
и грустно проступает содержание.

Таким образом, каждый роман как бы имеет восходящую и нисходящую ветви. На восходящей кроме преобладания положительных эмоций обычно есть ощущение роста, совершенствования личности:

В.Д.Цыбин (1931–2001)

Когда я в тебя влюбился —
во мне кто-то другой народился!
И был он слабый, непрочный,
был хрупкой и чуткой почкой... /.../
Ты говорила – то ли мне, то ли ему:
– Какой-то ты странный стал... не пойму!
Вроде чужой и вроде родной... —
Когда ты стояла рядом со мной,
Я слышал, чувствуя в жилах тепло, —
возле сердца второе сердце росло. /.../
И стал я знать и больше и дальше,
и стал я жить без позы, без фальши.
Стал видеть, что раньше сроду не видел,
любить, что раньше я ненавидел!.. /.../
Я стал как деталь, что послушна резцу, —
я слышу, как сам из себя я расту! /.../
И слышу и чувствую наяву и во сне,
как прежнее «я» умирает во мне!

На нисходящей ветви не только преобладают отрицательные эмоции, но и ощущается их разрушительное, губительное воздействие на личность:

Е.А.Баратынский 1824 (1800–1844)

Огонь любви, огонь живительный,
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!

Соотношение этих двух ветвей может быть самым различным. Однако чаще первая оказывается значительно короче второй:

Бернардо Виейра Раваско (1617–1697) Бразилия
(пер. И.М. Чежеговой)

Воображенье пылко рисовало
Мне радости любви, волнуя кровь...
Но у любви с мечтою сходства мало:
Вот истина для тех, кто знал любовь.
И все ж не мнил я, что любви начало
Столь близко от конца ее и вновь
Не суждено ее вернуться дару
И что в любви найду я злую кару.

Нет, я не мнил, что счастья благодать
Несчастьем обернется, и отныне
Я обречен о счастье вспоминать,
Как вспоминают о воде в пустыне...
Не уставая память проклиная,
Забвения прошу как благостыни,
Но длится столько лет мой ад земной:
Увы, любовь не разлучить со мной.

Не мнил я скорой для себя угрозы,
Не знал, что счастья луч, мелькнув, погас:
С тех пор тоски неуголимой слезы
Все льются из моих усталых глаз.

Ф.И.Тютчев 1851 (1803–1873)

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей! /.../

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор и речи,
И смех младенчески живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он! /.../

И что ж, от долгого мученья,
Как пепл сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез.

Впрочем, «сколь веревочка ни вейся, а конец будет». Ре-

сурсы нервной энергии не беспредельны. Поэтому и роману когда-то приходит конец:

Я.П.Полонский 1844 (1819–1898)

Не сотвори себе кумира;
Но, верный сердцу одному,
Я был готов все блага мира
Отдать кумиру моему.
Кумир немой, кумир суровый,
Он мне сиял, как божество,
И я клялся его оковы
Влачить до гробы моего.

Полубезумен и тревожен,
С печалью скорби на челе,
В цепях я мнил, что рай возможен
Не в небесах, а на земле. —
Так, чем свобода безнадежней,
Чем наши цепи тяжелей,
Тем ярче блеск надежды прежней
Иль идеал грядущих дней.

Но я разбил кумир надменный,
Кумир развенчанный – упал,
И я же – раб его смиренный,
Его обломки растоптал.
И без любви, без упования,
Не призывая тайных сил,
Я глубоко мои страдания

В самом себе похоронил.

И.А.Снегова (1922–1975)

Бывает так: живешь в неволе —
В безвыходной сердечной боли.
Потом, бывает, минет срок,
И боль уйдет, как дождь в песок.

Ясно, что смена этапов большого любовного цикла – это, в основном, объективный процесс. Тем не менее, возможно, определенную роль тут играет и субъективное стремление участников романа сначала к обогащению своей эмоциональной жизни, а затем, наоборот, к покою:

А.П.Межиров (1923–2009)

И море, море, море перед нами.
За выщербленной дамбой грохоча,
Играет буря
 черными волнами,
И догорает в маяке свеча.

Но ты сказала:

– Тот, кто может плавать,

Тому на этом свете не страшна
Ни тихая, обманчивая заводь,
Ни штормовая, дикая волна.

И в тот же миг

волны возвратной сила,
Угрюмо оттолкнувшись от земли,
Меня с любимой вместе в море смыла,
И мы поплыли оба как могли.

И больше не подвластные прибою,
Плывущие без отдыха и сна,
Волны возвратной
жертвы мы с тобою —
Нас не пускает на берег она.

Не знали мы,
 что счастье только в этом —
Открытом настежь море —
 не мертво,
Что лишь для тех оно не под запретом,
Кто не боится счастья своего.

Мы к берегу стремились
 что есть силы,
Обетованной жаждали земли,
Мы обрели,
 нашли
 покой постылый —
И на погибель счастье обрекли.

Да, человек устроен именно так. В покое «он – мятежный – просит бури», а в буре – покоя. По окончании любви он

сначала бывает рад одиночеству, но затем пресыщается им и сожалеет о конечности любви:

П.Ю.Барскова (р. 1976)

Так любовь глубока,
Что становится темной и вязкой.
Как в июле река
Покрывается глупою ряской.

Покидаешь опять
Эту пресную, клейкую жижу.
Повторять, повторять:
«Презираю. Боюсь. Ненавижу».

Пресыщаясь легко
Одиночеством, ждешь и жалеешь
Чувство, белое, как молоко,
Золотое, как свет, который продлить не умеешь.

Есть ситуации и основанные на них точки зрения, что конец любви непременно случается *по вине* одного или обоих участников, например, по причине победы зла в его извечной борьбе с добром:

В.И.Лелина (р. 1957)

Мелодия, что мы с тобой вели,
То затихала, то была слышнее,
Мы с нею отрывались от земли,

На землю опускались вместе с нею.

Там тема одиночества была,
И тема странствий изредка звучала,
Но грусть тогда возвышенно светла,
Когда любовь присутствует сначала.

Кончалось одиночество, и путь
Любой заканчивался возвращением,
И позволяли паузы вздохнуть,
И мы не придавали им значенья.

Но, допустив однажды тому зла,
Мы не заметили ее аккорд финальный, —
А пауза возникла и росла,
Теряя звук и смысл музыкальный.

Однако более обоснованной представляется все-таки другая точка зрения, согласно которой конец любви есть объективное явление. Такова жизнь, ибо психика здорового нормального человека при первой возможности стремится вернуться в обычное равновесное состояние, преодолев этот «недуг»:

М.И.Цветаева (1892–1941)

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,

И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно – скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: надвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость —
Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю – сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Этим, собственно говоря, исчерпывается тот материал, в котором поэты пытались взглянуть на любовь сверху или со

стороны, увидеть ее динамичность, выделить какие-то этапы в этой динамике. Всё остальное – это огромное количество фрагментов, в которых говорится об отдельных фазах любви. Основательно и последовательно разбираться во всем этом мы начнем в следующем разделе.

4.1. От исходного бесстрастия к предвкушению и ожиданию

Итак, начнем сначала, с исходного безразличия и бесстрастия, которое мы будем рассматривать как норму, точку отсчета:

К.Д.Бальмонт 1895 (1867–1942)

Пред рассветом дремлют воды,
Дремлет сумрак молчаливый,
Лик застенчивой Природы
Дышит ласкою стыдливой. /.../
Так и ты молчишь бесстрастно,
Нет в душе твоей порыва,
Ты застенчиво-прекрасна,
Ты чарующе-стыдлива.

Возникновение любви в поэзии обычно представляется как некое таинство; явление стихийное, иррациональное и непостижимое:

В.Н.Скобелкин (1924–2003)

Дорогой вечной, неизменной,
Глядя как звездные поля
Мерцают в глубине вселенной,
Под солнцем кружится земля.

И каждый шаг ее движенья
Определивши навсегда,
Упряжкой правит без труда
Закон всемирный тяготенья.
Неутолима и крепка
Его могучая рука.

Стрела Амура лишь ему
Во всей природе не подвластна
(Проказник – бог) и потому
Так для людских сердец опасна.

Действительно, любовь кажется Человеку влюбленному
возникшей на совершенно ровном месте и в самое неожиданное время:

Расул Гамзатов (1923–2003) Дагестан (пер. Я.А.Козлов-
ского)

Встав в позу, любви не прикажешь: явись!
Сама она, рано иль поздно,
Сломает все планы и вломится в жизнь,
Накатит нежданно и грозно.

Е.М.Винокуров (1925–1993)

Вот живешь ты, покоен, приличен,
Но случается так иногда:
Женский голос поманит, поκληчет —

И уйдешь, не спросивши куда.

О.Н.Григорьева (р. 1957)

Яркая вспышка, безумия миг:
Что-то замкнуло в невидимых сферах,
Мир вдруг взорвался – и снова возник,
Словно любовь посетила их первых...

Как же происходит этот переход? Можно ли его предвидеть, предсказать, предугадать, наконец, предотвратить? Оказывается, бывает по-разному. Зависит это, с одной стороны от самого характера «стихийного бедствия», т. е. от степени его стихийности, с другой – от того, насколько хорошо «поставлены» наблюдения человека за самим собой, своим душевным состоянием. Если сам процесс бурный, скоростной, а человек не страдает рефлексией и самоуглубленностью, то любовь для него – настоящее откровение и полная неожиданность:

Ю.В.Воробьев (1936–1995)

Моя неразрешимая загадка!
Ну кто же мне ответит, почему
Я, много лет не веря никому,
Вдруг за три дня влюбился без оглядки?

Поэтому в куртуазной поэзии прошлого субъект будущей

любви традиционно ассоциировался с наслаждающейся жизнью и не подозревающей об опасности «дичью», предметом охоты или рыбалки:

Микеланджело Буонарроти (1475–1564) Италия (пер. А.Е.Махова)

Дрожу, твой лик увидев просветленный,
Но не похож я больше на ловца,
А, словно рыба, клюнув на живца,
Взрываю на уде, как подсеченный.
Раз неделимо сердце пополам,
Я целиком тебе его вверяю —
Чего еще желать отныне мне,
Когда влеченью чувств отдался сам,
Но ими я, увы, не управляю.
Ты – мой костер, и мне гореть в огне!

Луиш де Камозэнс (1524–1580) Португалия (пер. М.В.Талова)

Щегол влюбленный, нежный и беспечный,
Едва пригладив клювом пух, без нот
На ветке зеленеющей поет
Все тот же стих бессвязный, бесконечный.

Тем временем стрелок в тростник заречный
Уходит крадучись. Таясь, как крот,
Он целится и в тьме стигийских вод

Певцу любви покой готовит вечный.

Так, жизнью наслаждавшийся дотолё,
Задет я в сердце был твоей стрелой,
Когда ловца отнюдь не опасался.

Чтоб невзначай застичь меня на воле,
Подстерегая, лучник роковой
В твоих зеницах пламенных скрывался.

Пьер де Ронсар (1524–1585) Франция (пер. В.В.Левика)

Как молодая лань, едва весна
Разбила льда гнетущие оковы,
Спешит травы попробовать медовой,
Покинет мать и мчится вдаль одна,

И в тишине, никем не стеснена,
То в лес уйдет, то луг отыщет новый,
То свежий ключ найдет в тени дубровы
И прыгает, счастлива и вольна.

Пока над ней последний час не грянет,
Пока стрела беспечную не ранит,
Свободной жизни положив предел, —

Так жил и я — и дни мои летели,
Но вдруг, блеснув в их праздничном апреле,
Твой взор мне кинул в сердце сотню стрел.

Анализ показывает, что гораздо чаще началу любви предшествует особый период некоторого «томления», смутной и беспредметной тоски:

А.Н.Апухтин 1857 (1840–1893)

И слышу, как жизнь молодая
Желания будит в крови,
Как сердце дрожит, изнывая
Тоской беспредметной любви...

Наша личность обычно формируется в атмосфере любви. Ею пропитана вся классическая литература, фильмы, музыка, наконец, сама жизнь. По чужому и своему опыту человек знает, что любовь – это некая сила и ценность. Поэтому выраженная потребность в любви может иметь вполне четкую мотивацию. Восторженный и страстный человек жаждет яркой и всепоглощающей любви как главного события своей жизни:

А.А.Блок 1902 (1880–1921)

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.

Но все прежнее станет ложью,
Чуть займутся лучи Твои.

Несколько чаще встречается менее острый вариант, когда любовь представляется как «луч света» в серой и безрадостной повседневности, как некий талисмана, способный приподнять обладателя над мышиною возней и защитить его от разного рода напастей:

Н.П.Огарев 1844 (1813–1877)

Пускай жестоко жизнь играет мною,
Иль детски я играю ей:
Любовь меня возвысит над бедою,
Спасет из хаоса страстей,
Очистит дух святынею страдания,
И жизнь я вытерплю мою,
И горечь слез и тяжесть испытания
В ней за любовь благословляю.

Федор Сологуб (1863–1927)

Настроений мимолетных
Волны зыбкие бегут
И стремлений безотчетных
Пену мутную несут.

Сменой их нетерпеливой
Как душа утомлена!

Как тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Лаской, негой, песней звучной,
О, волшебница любовь,
Задержи полет докучный
Исчезающих часов!

Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!

Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, жизни сны,
И повея очарованьем
Расцветающей весны.

Очаруй мой дух унылый,
Утомленный и больной,
Грезой девственной и милой,
Небледнеющей мечтой.

А.Н.Вертинский (1889–1957)

Я сегодня смеюсь над собой...
Мне так хочется счастья и ласки,
Мне так хочется глупенькой сказки
Детской сказки наивной, смешной.

Я устал от белил и румян
И от вечной трагической маски,
Я хочу хоть немножечко ласки,
Чтоб забыть этот глупый обман.

Когда человеку совсем плохо, он может ощущать себя заблудившимся в лабиринте жизни и желать любви как путеводной нити:

Федор Сологуб 1879–1907 (1863–1927)

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог. /.../

Много дорог здесь, но света
Нет, и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти. /.../

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

С другой стороны, известно, что слишком хорошо – тоже плохо, ибо скучно. Скука – ужасная, иногда просто непере-

носимая вещь:

Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) Германия
(пер. Б.Л.Пастернака)

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот наслаждался через меру,
И всяк зеваает да живет —
И всех нас гроб, зевая, ждет.

Шарль Пьер Бодлер (1821–1867) Франция (пер.
В.В.Левика)

Но меж тварей наземных, речных и морских,
Тигров, коршунов, змей, затаившихся в чащах,
Средь визжащих, ревущих, свистящих, рычащих
В это мерзком зверинце пороков людских

Есть один – безобразнее всех, что кругом,
Самый лютый, хоть шума не любящий, скрытный.
Он охотно и землю толкнул бы с орбиты,
Проглотил бы весь мир исполинским зевком.

Д.С.Мережковский (1865–1941)

Все мимолетно – радости и мука,
Но вечное проклятие богов —
Не смерть, не старость, не болезнь, а скука,
Немая скука долгих вечеров.
Скучать с приличным видом есть наука
Важнейшая для умных и глупцов:
Подруги наши – страсть, любовь иль злоба,
А скука – вечная жена до гроба.

Поэтому ничуть не реже встречается противоположная ситуация, когда человек, наоборот, желает любви как альтернативы спокойной, размеренной и поэтому скучной «положительной» жизни.

Н.П.Огарев 1842 (1813–1877)

Просило сердце впечатлений,
И теплых слез просило вновь,
И новых ласк, и вдохновений,
Просило новую любовь.

Поль Валери (1871–1945) Франция (пер. М.Д.Яснова)

Воспоминания... О, ветра золотого
Порыв, скорей в лицо мне пламенем повея
И возроди меня из пепла прежних дней!
И ты проснись, о кровь, дабы окрасить бледность,
Которой облекла мой облик повседневность,

Облагородь лазурь, зажги огонь зари
И дар бесцветности в душе моей сотри!
Пусть с неприязнью я признаю, вспоминая:
Дитя пугливое... Обманчивость лесная...
Тишь – соучастница младенческих невзгод...
Пускай в моей груди холодной оживет
Азартный зов любви – и брызнет громкой трелью...
Охотница, ищи волшебное ущелье.

Г.В.Адамович (1892–1972) Поэзия эмиграции

Жизнь! Что мне надо от тебя, – не знаю.
Остыла грусть, младенчества удел.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел.

И если где-нибудь живет и дышит,
Тот, кто навек назначен мне судьбой,
Что ж не приходит он ко мне, не слышит,
Еще не ослабевший голос мой?

Ю.В.Воробьев 1965–1970 (1936–1995)

Я не хочу держать себя в руках.
Уздечка рвется, и слабеют путы.
Шальные молотки стучат в висках,
Отсчитывая звонкие минуты.

Сдана в архив привычная хандра,

Пришло опять знакомое волнение.
Пора, пора, уже давно пора

Найти рукам другое применение.

Осточертел размеренный покой,
Кислейший вкус намеренья благого,
И я хочу опять своей рукой
Держать в руках кого-нибудь другого.

Из тех же источников (литература, кино, музыка, сама жизнь) человек обычно знает, что любовь не сахар или, во всяком случае, не только сахар. Однако это не может отпугнуть его, ибо он предпочитает ощущения и впечатления (любые!) их отсутствию:

О.Н.Григорьева (р. 1957)

За – ранее, до – встречи, до – тебя,
Я так люблю, что даже сохнут губы.
Так – раненый, больницу невлюбя,
В мучениях, свое спасенье любит.
Средь глупых сказок выбираю жизнь.
Страдания предпочитаю раю.
Увидь! Заговори! Остановись!
Но кто ты? Даже имени не знаю...

И.М.Губерман (р. 1936)

Вот человек, он всем доволен,
и вдруг берет его в тиски
потребность в горечи и боли
и жажда грусти и тоски.

Поэтому он может страстно желать любви несмотря ни на что, даже если она предположительно будет не просто мучительной, но и губительной для него:

Георг Гейм 1911 (1887–1912) Германия (пер. А.П.Прокопьева)

Никого. Мечта лишь. Сон. При свете
Счастья – нам дано прожить лишь миг.
Гаснет все, круги темнеют эти,
Где, как птица, ночь испустит крик.

Рано, осень, к нам. Белесый посох
Подняла зима, кружась вдали,
Там, где прядей золотоволосых
Пятна в зыбь молчащую легли

Видишь, тень, как парус, побежала.
Приходи, мы ждать не будем зим.
Поцелуев красные кинжалы
Смертью медленной в сердца вонзим.

О.Ф.Берггольц (1910–1975)

О, пусть эти слезы и это удушье,
пусть хлещут упреки, как ветки в ненастье.
Страшней – всепрощенье. Страшней – равнодушие.
Любовь не прощает. И все это – счастье.

Я знаю теперь, что она убивает,
не ждет сострадания, не делится властью.
Покуда прекрасна, покуда живая.
Покуда она не утеха, а – счастье.

Осознанное или неосознанное желание любви постепенно трансформируется в конкретное состояние ожидания, предвкушения:

В.Г.Бенедиктов (1807–1873)

И легкой струйкою в крови
Текло предвкушие любви.

Н.П.Огарев 1841 (1813–1877)

Кровь, как пламень, льется в теле.
День несносен, ночь длинна —
Я не знаю на постели
Освежающего сна.

Сердце просит все чего-то,
И о чем-то я грущу,
И во тьме ночной кого-то

Тщетно, страстно я ищу!

П.П.Ершов 1838 (1815–1869)

Все кого-то ожидаю,
Все о ком-то я грущу;
Но не знаю, не сгадаю,
Что такое я ищу. /.../

Смех подружек мне досаден,
Игры их не веселят,
И нестатен, непригляден
Мне мой праздничный наряд.

Наиболее заметно это состояние проявляется по ночам, когда человек остается наедине со своими желаниями. Сновидения получают преимущественно тематические, в т. ч. с эротическим содержанием:

А.Н.Майков 1857 (1821–1897)

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала окно отворяла...
Ночь немая меня и томила, и жгла,
Ароматом цветов опьяняла.

Только вдруг шелестнули кусты под окном,
Распахнулась, шумя, занавеска —
И влетел ко мне юноша, светел лицом,

Точно весь был из лунного блеска.

Разодвинулись стены темницы моей,
Колоннады за ними открылись;
В пирамидах из роз вереницы огней
В алебастровых вазах светились...

Чудный гость подходил все к постели моей;
Говорил он мне с кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною в подушки скорей
Ты нырнула испуганной рыбкой!

Оглянися – я бог, бог видений и грез,
Тайный друг я застенчивой девы...
И блаженство небес я впервые принес
Для тебя, для моей королевы...»

Говорил – и лицо он мое отрывал
От подушки тихонько руками,
И щеки моей край горячо целовал,
И искал моих уст он устами...

Под дыханьем его обессилила я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало в ушах: «Ты моя! Ты моя!» —
Точно арфы далекие звуки...

Протекали часы... Я открыла глаза...
Мой покой уж был облит зарею...

Я одна... Вся дрожу... распустилась коса
Я не знаю, что было со мною...

Впрочем, уснуть удастся далеко не всем и не всегда, т. к. возбуждение явно преобладает над торможением:

Роберт Бернс (1759–1796) Шотландия (пер. С.Я.Маршака)

Моей душе покоя нет.
Весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет —
И все из-за кого-то.

М.А.Кузмин (1875–1936)

Мне не спится: дух томится,
Голова моя кружится
И постель моя пуста, —
Где же руки, где же плечи,
Где ж прерывистые речи
И любимые уста?..

А.А.Ахматова 1911 (1889–1966)

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о чем не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

И.М.Губерман (р. 1936)

И не спит она ночами,
и отчаян взгляд печальный,
утолит ее печали
кто-нибудь совсем случайный.

Последнее утверждение относительно абсолютно случайного выбора объекта любви, может быть, несколько преувеличено. Во всяком случае, сам готовый к любви человек обычно, напротив, полностью убежден в уникальности своего будущего возлюбленного и обязательности «встречной» любви:

М.И.Алигер 1939 (1915–1992)

Я узнала тебя из многих,
нераздельны наши дороги,
понимаешь, мой человек?
Где б ни был, меня ты встретишь,
все равно ты меня заметишь
и полюбишь меня навек.

Что ж, «блажен, кто верует». У нас еще будет возможность вернуться к этому вопросу. Состояние предлюбовного возбуждения, как правило, непродолжительно. Если оно по каким-то причинам затягивается, то легко переходит в свою противоположность:

А.Г.Волков 1802 (1780 – не ранее 1826)

Укажите мне, несчастну,
Где найти подругу страстну,
Где найти ко счастью след?..
Как волна к волне все льется,
Все-то сердце, сердце бьется,
Бьется все – но милой нет!

Милой нет – и все немило,
Нет любезной – все постыло!
Что осталось? – слезы лить.
Безотрадно сердце вянет,
Слово-слово душу тянет,
Ах! на свете тошно жить!

Это редкость. Обычно же объект любви не заставляет себя долго ждать, ибо свято место, как известно, пусто не бывает. Итак, обозначим четко этап развития нашего романа: конкретного объекта любви еще нет, но уже ясно, что он вот-вот появится. Как и почему это происходит – предмет следующего раздела.

4.2. Начало

Мы остановились на том, что обычно еще до появления реального объекта любви обреченный влюбиться человек постепенно приходит в состояние, которое можно определить как «готовность номер один». Представление о том, каким должны быть Человек любимый и сама будущая любовь, в общих чертах, сформировано:

Булат Окуджава 1959 (1924–1997)

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
все показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

Это и есть тот самый идеал, о любви к которому мы говорили в разделе 3.1. (Часть 1 стр. 220). Переход от идеальной любви к реальной может происходить легко и естественно, иногда даже несколько буднично:

Я.В.Смеяков 1938 (1913–1972)

Давным-давно, еще до появления,
я знал тебя, любил тебя и ждал.

Я выдумал тебя, мое стремление,
моя печаль, мой верный идеал.

И ты пришла, заслышав ожиданье,
узнав, что я заранее влюблен,
как детские идут воспоминанья
из глубины покинутых времен.

Чаще переходу предшествует период нарастания напряжения, накопления энергии. «Буря! Скоро грянет буря!» – сказал бы классик:

К.М.Симонов 1946 (1915–1979)

Предчувствие любви страшнее
Самой любви. Любовь – как бой,
Глаз на глаз ты сошелся с нею.
Ждать нечего, она с тобой.

Предчувствие любви – как шторм,
Уже чуть-чуть влажнеют руки,
Но тишина еще, и звуки
Рояля слышны из-за штор.

А на барометре к чертям
Все вниз летит, летит давление
И в страхе светопреставленья

Уж поздно жаться к берегам.

Нет хуже. Это как окоп,
Ты, сидя, ждешь свистка в атаку,
А там, за полверсты, там знака
Тот тоже ждет, чтоб пулю в лоб.

Эта внутренняя готовность, энергетическая насыщенность и объясняет тот казался бы неожиданный «взрыв» эмоций при появлении реального объекта любви:

А.С.Пушкин 1823–1831 (1799–1837)

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердце я!
То в высшем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!

А.А.Блок 1913 (1880–1921)

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря – в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца туча грозовая,
Под ней – все глушь, все немота,
И эта – прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

И.Л.Сельвинский 1951 (1899–1968)

Никуда души своей не денем.
Трудно с ней, а все-таки душа.

Я тебя узнал по сновиденьям,
Снами никогда не дорожа,

Я тебя предчувствовал, предвидел,
Нехотя угадывал вдали,
И когда глаза твои как выстрел,
Мне зрачки впервые обожгли,
И когда вокруг необычайно
Сплетня заматалась как в бреду,
Я все это принял, как встречают
Долгожданную беду.

Е.К.Стюарт (1906–1984)

Еще ничто не предвещало
Исчезновенья тишины,
Еще предчувствие начала
Не проникало даже в сны,
Еще прикидывались вещи
Совсем такими, как вчера,
Но было все иным и вещим
И говорило мне: пора!
Пора!

А я взглянуть боялась
В лицо твое
и стать иной...

Но молния уже металась
В притихшей туче грозовой!
Все ярче, все нетерпеливей
Сверкала, силы не тая,

И, наконец-то, грянул ливень!...

Так началась любовь моя.

Первые ощущения в этом новом качестве нередко пугают Человека любящего своей необычностью, особенно если он робок, застенчив или малоопытен в этой области жизни:

Г.С.Лахман 1950 (1895–1969) Поэзия эмиграции

Ты пришел... Без ключа, без отмычки
Отворил в мое сердце дверь.
Растерялась я с непривычки,
Тихо жду: что случится теперь?

А на двери были засовы,
Было замкнуто сердце ключом...
Но сейчас я верить готова,
Что тебе замки нипочем!

Более опытным и (или) решительным людям сразу становится ясно, что «процесс пошел», ибо даже самые первые ощущения любви не сравнимы ни с чем и легко распознаются:

А.А.Ахматова (1889–1966)

Первый признак – странное веселье,
Словно ты пила хмельное зелье,
А второй – печаль, печаль такая,
Что нельзя вдохнуть, изнемогая.

М.И.Цветаева 1924 (1892–1941)

Точно гору несла в подоле —
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.

Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеаясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет – по трели
Всего тела вдоль.

В авиации есть понятие критической «точки возврата». Это последняя точка маршрута, с которой еще можно вернуться на родной аэродром. Примерно такая же точка есть и в любви. Ясно, что мы сейчас обсуждаем тот вариант, когда человек, достигший этой точки, уверенно продолжает двигаться вперед:

Н.К.Доризо 1953 (1923–2011)

Еще могу расстаться с вами,
Еще могу не видеть вас,
Уход с прощальными словами
Еще держу я про запас.
Держу
 возможность жить иначе —
Тот ключ
 от запертых дверей,
А дом пожаром весь охвачен,
Пора бежать,
 да поскорей!

Уже его дыханьем грозным
Мое лицо обожжено.
Пора бежать,
 пока не поздно...
А я швыряю ключ в окно.

Впереди пожар любви и океан страстей, который по колено Человеку любящему, готовому кинуться в него, очертя

ГОЛОВУ:

А.И.Полежаев 1833 (1804–1838)

В душе горит огонь любви,
Я жажду наслажденья, —
О милый мой, лови, лови
Минуту заблужденья!

Явись ко мне, — явись, как дух,
Нежданный, беспощадный,
Пока томится, ноет дух
В надежде безотрадной,

Пока играет на челе
Румянец прихотливый,
И вижу я в туманной мгле
Звезду любви счастливой!

Я жду тебя — я вся твоя,
Покрой меня лобзаньем,
И полно жить, — и тихо я
Сольюсь с твоим дыханьем!

В душе горит огонь любви,
Я жажду наслажденья, —
О милый мой, лови, лови
Минуту заблужденья!

Н.Н.Оболенский (1905–1993)

Насыть меня счастьем любви молодой,
Сожги меня лаской безумно огняною,
Блаженством и нежностью светло-медвяною

Из уст твоих алых, истомных – напой.

Возьми, покори, навсегда завладей,
Замучь поцелуями злыми, бессчетными,
Палящими, долгими и мимолетными;
Будь вихрем моим, закрути и завей.

Ты – песня моя на заре, серебристая,
От дерева радости ветка душистая,
Весенняя, гибкая, ближе склонись!

Костры разгораются дымные, жаркие,
Смотри: в этих высях созвездия яркие
Греха и блаженства над нами зажглись!

Все это, конечно, не означает, что «взрывное», лавинообразное нарастание эмоций совершенно обязательно. Нет, вполне возможны варианты, в том числе и такой, при котором признаки любви проявляются постепенно, исподволь. Самые первые из них вначале кажутся вполне безобидными и вообще скорее относятся к области подсознательного. Это, например, оговорки или обмолвки, которые есть классический (по З.Фрейду) случай явлений такого рода. Взгляните

на два поразительно близких в этом отношении фрагмента:

А.С.Пушкин 1928 (1799–1837)

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

А.А.Ахматова 1909 (1889–1966)

И как будто по ошибке
Я сказала: «ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя как сорок
Ласковых сестер.

Дальше – больше. «Симптомы» нарождающейся любви становятся все более определенными, многочисленными и бесспорными:

Джордж Гордон Байрон (1788–1824) Англия (пер.

Она не улыбалась, но подчас
Так ласково глаза ее блестили, /.../
Очаровать одним сияньем глаз
Все женщины умеют и умели.

Но страсти беспокойное движенье
Нельзя ни подавить, ни даже скрыть,
Как в темном небе бури приближенье.
Напрасно вы стараетесь хитрить,
Подделывать улыбки, выраженья,
Неискренние речи говорить:
Насмешка, холод, гнев или презренье —
Все это маски только на мгновенье.

Украдкой разгорающийся взор,
Запретного румянца трепетанье,
Рукопожатья ласковый укор,
Смятенье встреч, томленье ожиданья,
Невинной страсти тайный разговор —
Прелюдия любви и обладанья.

Человек любимый в это время обычно не вызывает никаких ощущений кроме полного восторга. Самые отъявленные льстецы кажутся искренними людьми на фоне той ни с чем не сообразной лести, которой окружает человека его самолюбие. Однако последнее выглядит как почти чистая правда,

если сравнить его с отношением Человека любящего к Человеку любимому. Объект любви представляется ее субъекту идеалом, совершенством, венцом творения:

Луиш де Камознс (1524–1580) Португалия (пер. В.В.Левика)

В вас и земля и небо влюблены,
А разлюбить – напрасны все попытки,
Когда природой вы в таком избытке
Всею, что к любви зовет, наделены.

Питер Корнелисон Хофт (1581–1647) Нидерланды
(пер. В.И.Орлова)

Природа, сколько ж сил, сноровки и чутья
Потребовалось, чтоб такое обаянье,
Такую красоту вложить в одно создание,
Чтоб родилась на свет любимая моя!

П.А.Вяземский 1828 (1792–1878)

Все в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

А.С.Пушкин 1830 (1799–1837)

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Н.М.Языков 1825 (1803–1846)

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

М.Ю.Лермонтов 1838 (1814–1841)

Она поет, – и звуки тают
Как поцелуи на устах,
Глядит, – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты

Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Л.Л.Аронзон 1969 (1939–1970) Советский андеграунд

Я цезарь сам. Но вы такая знать,
что я – в толпе, глазеющей учтиво:
вон ваша грудь! вон ноги ей под стать!
и если лик таков, так что же пах за диво!

В.Н.Скобелкин (1924–2003)

Когда лицо твое печально,
Ты молчалива и грустна,
То хорошо необычайно —
Виденье сказочного сна.
Но лишь счастливою улыбкой
Глаза внезапно заблестят,
Лишь заиграешь бровью гибкой,
Прелестней сразу – во сто крат.

Человек любимый с восторгом воспринимается Человеком любящим всеми его органами чувств, за исключением вкуса, до которого дело еще не дошло. Четыре других в порядке возрастания значимости обычно располагаются так: обоняние, осязание, слух, зрение. Последнее, безусловно, является главным:

Лопе де Вега (1562–1635) Испания
(пер. Т.Щепкиной-Куперник)

Пять струн – пять чувств. Во-первых, зреньё.
То – прима: надо увидеть
Предмет любви, чтобы отдать
Ему навеки поклоненье.

Вильям Шекспир (1564–1616) Англия
(пер. А.И.Курошевой)

Слепая, через слух бы я любила
Твой мир незримый, внутренний, живой;
Глухую внешность бы твоя пленила,
Все чувства мне затронув красотой.
А если б слух мне изменил и зренье,
Любовь питало бы прикосновение.
Пусть прикоснуться я бы не могла,
Утратив зренье, слух и осязание,
Не меньше бы любовь моя была,
Когда б осталось только обоняние.
Ведь аромат дыхания твоего
Несет любовь впивающим его.

Объект любви настолько безупречен, что просто не поддается описанию. Именно к этому случаю можно отнести формулу: «Ни в сказке сказать, ни пером описать». А ведь затрудняется это сделать поэт – мастер слова вообще и метафоры в частности:

Леонардо Джустиниан (ок.1388–1446) Италия
(пер. Е.М.Солоновича)

Когда б на ветках языки росли,
И дерево, как люди, говорило,
И перья прорастали из земли,
А в синем море пенились чернила, —
Поведать и они бы не могли,
Как ты прекрасна: слов бы не хватило.

Диего Утрадо де Мендоса (1503–1575) Испания
(пер. Н.Ю.Ванханен)

Осанка ли, посадка головы,
Которым равных я не подберу,
Как все, что сверхъестественно, – увы! —
Не поддаются кисти и перу!

Шарль Пьер Бодлер (1821–1867) Франция (пер.
И.А.Лихачева)

Когда в ней равно все пленяет,
Сравненья отступают прочь,
Она, как утро, озаряет,
И утешительна, как ночь.

И слишком стройно сочетались
В ней все телесные черты,
Чтоб мог беспомощный анализ
Разъять созвучья красоты.

С.Я.Надсон (1862–1887)

Чужд непорочных ангелов недуг любви земной,
В садах без острых терниев нет розы ни одной,
И гасит солнце к вечеру огонь своих лучей, —
Нет, к ним не приравняю я красавицы моей!..

Человек любимый не сравним ни с чем и ни с кем. Все остальное и все остальные по сравнению с ним – бледные тени и больше ничего:

А.С.Пушкин 1832 (1799–1837)

В ней все гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;

Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Особенно интересная ситуация складывается в случае обоюдной любви. Два обычных во всех отношениях человека как бы рассматривают друг друга в микроскоп и кажутся друг другу очень большими и красивыми:

Л.Н.Мартынов 1949 (1905–1980)

О, счастье быть любимой,
Когда, наморщив лоб,
Гигант меня, незримую,
Кладет под микроскоп!

Так мил гигант мечтающий!

Кажусь ему сейчас
Я чудно вырастающей
В миллионы тысяч раз.

И я уже владычица,
И мне не страшен враг...
О, счастье увеличиться
На миг хотя бы так!

Естественно, что объект любви уже в это время поглощает львиную долю внимания Человека любящего:

Н.М.Языков 1826 (1803–1846)

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О, друг! Ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! Мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.

Впрочем, внимание вниманию рознь. Для одних восторженное отношение к Человеку любимому не исключает стремления «изучать» его, причем, самостоятельно, *tete-a-tete*, без посредников и «доброжелателей»:

Р.Ф.Казакова (1932–2008)

Друзья, молчите! От похвал
и от хулы его избавьте
и без внимания оставьте,
что говорил и где бывал.
Не лезьте со своим огнем,
за свет ненужный мзду взимая.
Сама все знаю я о нем.
Узнаю все о нем сама я.

«Узнавать? А зачем? Вдруг там внутри, под блистающей оберткой, вовсе и нет ничего сверхъестественного?» – думают другие, особенно умудренные прежним опытом. Они предпочитают сосредоточиться на собственных ощущениях и насладиться ими:

В.А.Павлова (р. 1963)

Инкогнито, как Купидон Психее,
инкогнито, как Эльзе Лоэнгрин...

Но этих легендарных дур умнее,
начитанней, я знаю: шанс – один,
я имени выпытывать не стану,
я даже глаз не стану поднимать,
когда в гостинице с названием странным —
«Любовь» – ты будешь мною обладать.

Как бы то ни было, любовь с самого начала становится доминантой всей психической жизни Человека любящего.

Прошлое если не исчезает вовсе, то становится бледным, мелким, совершенно не важным:

Н.К.Доризо 1966 (1923–2011)

Все, что было,
Не верю, что было,
Все, что было,
Взяла и забыла.
Все, что было,
Затем лишь и было,
Чтоб тебя я
Сильнее любила.

Появление нового неожиданно возникшего и очень мощного очага возбуждения вносит более или менее сильные помехи во все области высшей нервной деятельности. Связи смещаются и перепутываются, стереотипы деформируются и разрушаются, человек «теряет голову», становится «неадекватен сам себе»:

Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) Германия
(пер. Б.Л.Пастернака)

В догадках угрюмых
Брожу, чуть жива,
Сумятица в думах,
В огне голова.

Что случилось со мною?

Я словно в чадy.
Минуты покоя
Себе не найду.

Генрих Гейне (1797–1856) Германия (пер. Н.А.Добролюбова)

Друг любезный! Ты влюбился, —
Горе новое пришло...
В голове твоей туманно,
А на сердце так светло...

Е.А.Баратынский 1824 (1800–1844)

Теперь, полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;

Слетят на ложе сновиденья,
Тебе безвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.

К.М.Фофанов 1887 (1862–1911)

Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки

И пела смутная тоска.

Б.В.Заходер (1918–2000)

С тех пор, как мне открылась эта тайна,
Я поселился в очень странном мире,
Где все необходимое – случайно
И дважды два не может быть четыре.
Здесь весит только то, что невесомо,
И постоянно лишь непостоянство,
У времени здесь явно не все дома,
И, видимо, сошло с ума пространство:
Ведь близко только то, что так далеко,
А близкое – увы! – недостижимо.
Все, что снаружи, – скрыла подоплека,
И все, что входит в нас, проходит мимо...

Расул Гамзатов (1923–2003) Дагестан (пер. Р.И.Рождественского)

Вдруг застываю в страхе и смущенье,
Смеюсь некстати,
Понапрасну злюсь.
Прощаю всех
И сам прошу прощенья,
То взрослым, то ребенком становлюсь,
Как будто чью-то тайну открываю,
Смотрю —
И удивлен, и потрясен.

Все помню

И о многом забываю.

О многом, а быть может, обо всем ...

Интересно, как же сам «пострадавший» оценивает свое состояние? Конечно, он в полной мере ощущает его необычность. Человек спокойно жил, никого не трогал, был сам себе хозяином, и вдруг, в мновение ока непроизвольно оказался «в другом измерении»:

Франческо Петрарка (1304–1374) Италия (пер. Е.М.Солоновича)

Я не был к нападению готов,
Не знал, что пробил час моей неволи,
Что покорюсь Амуру – высшей воле,
Еще один среди его рабов.

Не верилось тогда, что он таков —
И сердце стойкость даже в малой доле
Утратит с первым ощущеньем боли.
Удел самонадеянных суров!

Тут надо заметить, что содержащийся в приведенном фрагменте негативный элемент в оценке своего нового статуса – это скорее исключение, чем правило. Обычно при всей неоднозначности и противоречивости душевного состояния Человека влюбленного на этом этапе практически всегда однозначно преобладает отношение к любви как к источнику

света, тепла и радости:

Вальтер фон дер Фогельвейде (1170–1230)

Поэзия миннезингеров (пер. В.В.Левика)

Славлю тот день, когда встретился с нею,
Околдовавшей и дух мой и тело.
В мыслях ее неустанно лелею,
Ею захвачен мой разум всецело.

Пейре Видаль (1180–1206) Поэзия трубадуров (пер. В.А.Дынник)

Любовь со мной на радости щедра,
Любовь дарит бесценными дарами.
В мечтах любви тепло мне вечерами,
Любви отвагой полон я с утра.
Пришла любовь – и мир как будто нов,
Любви всю жизнь я посвятить готов.
Любовь приносит юный пыл сердцам, —
Через любовь я побратим юнцам. /.../

Рад красоты внимать всевластный зов,
Рад не снимать с себя любви оков,
Рад предаваться сладостным мечтам,
Рад следовать за вами по пятам.

Григол Орбелиани 1832 (1804–1883) Грузия
(пер. Н.А.Заболоцкого)

И Купидон, сей маленький стрелок,
Принес стрелу, исполненную яда.
И ранен я, и я у милых ног,
И я в плену, и плен – моя – отрада!

Н.С.Гумилев 1917 (1886–1921)

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

Те изменения, которые в нем произошли, Человек влюбленный обычно рассматривает как положительные, как свидетельство поступательного развития своей личности, как пробуждение скрытых доселе резервов и возможностей:

Пьер де Ронсар (1524–1585) Франция (пер. В.В.Левика)

До той поры, как в мир любовь пришла
И первый свет из хаоса явила,
Не созданы, кишели в нем светила
Без облика, без формы, без числа.

Так праздная, темна и тяжела,
Во мне душа безликая бродила,
Но вот любовь мне сердце охватила,
Его лучами глаз твоих зажгла.

Очищенный, приблизясь к совершенству,
Дремавший дух доступен стал блаженству,
И он в любви живую силу пьет,

Он сладостным томится притяженьем,
Душа моя, узнав любви полет,
Наполнилась и жизнью и движеньем.

Н.М.Языков 1825 (1803–1846)

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

К.Д.Бальмонт 1902 (1867–1942)

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна
Я с глубокого, тихого, темного дна.

Н.С.Гумилев 1917 (1886–1921)

Дремала душа, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Реакция конкретного организма на влюбленность, опять-таки, очень индивидуальна. Так, если слегка заторможенный тип от этого только возбуждается, то человек с бурным темпераментом, наоборот, нередко впадает в некоторую «протрацию»:

А.С.Пушкин 1816 (1799–1837)

Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь – твой голос слышен мне.
Рассеянный сию между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

Н.М.Языков 1825 (1803–1847)

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.

Шандор Петефи 1843 (1823–1849) Венгрия (пер. Б.Л.Пастернака)

Удержу не знал я, —
Так, спалив амбар,

Рвется вдаль по крышам
Городской пожар.

А теперь я слабым
Огоньком костра
Пред шатром пастушьим
Тлею до утра.

Был я водопадом,
Рушился со скал.
Мой обвал окрестность
Гулом оглушал.

А теперь я мирно
От цветка к цветку
И от кочки к кочке
Ручейком теку.

Был я горной высю,
Выступом скалы,
Где в соседстве молний
Жили лишь орлы.

Рощей стал теперь я,
Где в тени ветвей,
Исходя тоскою,
Свищет соловей.

Интересно, что Человек влюбленный ощущает коренным

образом изменившимся не только себя, но и окружающий мир, который, как по мановению волшебной палочки становится вдруг насыщенным любовью, светлым и радостным:

Иван Вазов (1850–1921) Болгария

(пер. Л.Хомутовой)

О милая, подобна лире страстной
Моя душа, готовая запеть:
Вселенная волшебна и прекрасна
Лишь потому, что ты на свете есть.

А.К.Толстой 1851–1852 (1817–1875)

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.

И просветлен мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо. /.../

И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

Л.Н.Мартынов (1905–1980)

Я
Вас
Люблю!
Поэтому
Весь мир творю я заново.
Он стар. Милльоны лет ему.
В нем очень много странного,
Смешного, старомодного
И никуда не годного.

Что ж, «утро любви» действительно хорошо. Естественно, что Человек влюбленный находится в состоянии эйфории и убежден: уж теперь-то все будет превосходно! Поэтому он смело и с оптимизмом смотрит в будущее. Наличие рядом Человека любимого представляется залогом самых разнообразных успехов, счастья и радости на всю оставшуюся жизнь:

Антонио Феррейра (1528–1569) Португалия (пер. И.М.Чежеговой)

Как день является в лучах авроры,
что, словно роза, на снегу, нежна,
и тень ночная днем побеждена,
вновь небо сине, зелены просторы,
как, светлым ликом привлекая взоры,
в ночи всплывает бледная луна:
рогами звезд касается она

и умирят грозных туч раздоры,

так мне явилась светлая звезда
и в душу пролила мне новый свет,
и мир глаза по-новому познали...

О, будь со мною до скончанья лет,
и тучи, что мне небо закрывали,
отступят пред тобою навсегда.

Н.С.Гумилев 1917 (1886–1921)

О, если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

О том, насколько обоснованы эти надежды, и вообще о дальнейшем развитии событий в нашем романе, мы поговорим в следующем разделе.

4.3. Рост и развитие любви

Итак, мы установили, что при всем разнообразии вариантов любовь, как правило, начинается очень активно и резко изменяет душевное состояние человека при общем преобладании положительных эмоций. Бурное развитие событий, однако, не означает, что «пик» любви бывает в самом ее начале. Нет, обычно налицо более или менее выраженная восходящая ветвь в развитии этого чувства, в его восхождении «к высокой степени безумства»:

Баба Тахир Урьян 15 (? – около 1055) Ирано-таджикская классическая

поэзия (пер. Н.Стрижкова и А.Шамухамедова)

Любовь такая робкая сначала
Потом костром во мне забушевала.
И если дальше будет так расти,
Ей во вселенной будет места мало.

Эту самую высокую степень или ступень любви мы в дальнейшем будем называть **страстью**. Именно она наиболее широко представлена в мировой поэзии. Поэтому и нам придется рассмотреть ее во всех подробностях. В этот период симптомы любви, о которых мы говорили в прошлый раз, обостряются до предела. Кроме того, появляется много новых. Сложным образом группируясь между собой, они и об-

разуют синдром страсти:

А.П.Сумароков (1717–1777)

Тщетно я скрываю сердца скорби люты;
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь. /.../
Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременял в неволю,
Ты утечи в горесть обратил. /.../
Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся,
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушусь,
Что не знаешь, сколько ты мне мил. /.../
Так из муки в муку я себя ввергаю;
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь.

М.И.Попов (1742–1790)

Как сердце не скрывает
Мою жестоку страсть,
Взор смутный объявляет
Твою над сердцем власть;

Глаза мои плененны
Всегда к тебе хотят,

И мысли обольщенны
Всегда к тебе летят.

Тебя не отдаляет
И сон от мысли прочь;
Твой образ обладает
Равно мной день и ночь;

Всеночно, дорогая,
Являясь во сне,
Вседневно обольщая,
Ты множишь страсть во мне.

В.А.Жуковский (1783–1852)

Что с тобой, вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? Где покой?..
Ах! Что случилось с тобой?

Довольно резкий переход от обычной жизни к такому состоянию не может не удивлять и не пугать Человека любящего. Поэтому в редкие минуты «просветления» он задает себе вопросы, которые, увы, остаются без ответа. Откуда взялась

эта самая любовь?

Хуана Инес де ла Крус (1651–1695) Мексика (пер.
И.М.Чежеговой)

Любовной мукой я полна,
ее всем сердцем ощущаю,
но только одного не знаю,
откуда родилась она.

Почему любовь возникла именно в этот момент и именно
к этому человеку, а не к какому-нибудь другому?

Н.Л.Браун (1902–1975)

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше травы весной,
Зачем они к солнцу стремятся
Так жадно, как будто расстаться
Готовы навеки с землей.

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше ты у ручья,
Зачем он, покоя не зная,
Бежит и бежит, пробивая
Дорогу в морские края.

За что я тебя полюбил?
Ты лучше спроси у орла,
Зачем не милы ему горы,

Зачем он так рвется в просторы,
Чтоб туча грозой обожгла.

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше сердце мое,
Зачем, разрываясь на части,
В тебе оно видит все счастье
И только об этом поет.

Человек любящий располагает своим и чужим жизненным опытом. Он знает, что любовь сопровождается страданиями и переживаниями, а затем проходит. У него есть опасения, что так случится и в данном случае:

А.А.Ахматова (1889–1966)

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня. /.../

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнаю по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Поэтому наиболее актуальными представляются не перечисленные выше теоретические вопросы, а другой, практический: как быть, сопротивляться страсти или отдаться ей?

Данте Алигьери (1265–1321) Италия (пер. В.С.Соловьева)

Полны мои мысли любовью одною,
Но друг против друга враждуют упорно;
Та молвит: любви ты отдайся покорно,
А эта: любовь лишь играет тобою.

Одна разрывает всю душу тоскою,
Другая мне сладость несет упования, —
Вдруг сходятся вместе в тревожном желанье
И в сердце трепещут пугливой мольбою.

На этом этапе Человек любящий полагает, что он еще способен мыслить, анализировать ситуацию, произвольно корректировать свое поведение в соответствии с доводами разума. Действительно, обычно интеллект некоторое время пытается сопротивляться страсти, ведет с ней «борьбу». Он пробует прислушаться к голосу окружающих людей, проанализировать свой прошлый печальный опыт:

Дитмар фон Айст (вторая половина XII века) Поэзия миннезингеров (пер. И.Л.Грицковой)

Хоть полно друзей вокруг,
В их советах мало прока,
Если сердце стало вдруг
Непослушно и жестоко.
Я давно ему велю:

«Успокойся! Быть несчастью!»,
А оно стучит «люблю»,
Переполненное страстью,
Из груди стремится прочь
И не хочет мне помочь.

И назло моей мольбе,
Не советуясь со мною,
Рвется лишь к одной тебе
И живет одной тобою.

Н.П.Огарев 1842 (1813–1877)

Ведь я уже не раз любил, – и что же?
Горела, гасла, длилась, гасла вновь,
На сны в ночи бродячие похоже,
Моя тревожная любовь.

И к вам любовь, быть может, так же точно
Фантазии недолговечный плод,
В душе возникнув как-то ненарочно,
Меня помучит и пройдет.

Так я, глупец, напрасным утешеньем
Хочу добыть обманчивый покой,
Но сердце не знакомится с забвением
И не расходится с тоской.

Конечно, вскоре выясняется, что силы противостояю-

щих сторон заведомо неравны, а борьба – бессмысленна:

Аль-Фараздак (641–732) Арабская классическая поэзия
(пер. Ю.М.Александрова)

Но не слышит меня норовистое сердце мое,
В нем трепещет любовь, как стрела, как стальное копье.

Генрих фон Фельдеке (конец XII века) Поэзия минне-
зингеров
(пер. В.Б.Микушевича)

Любовь сразила Соломона,
А Соломон был всех мудрей.
Не помогла ему корона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.